

КОНЦЕПЦИЯ КОНСТИТУТИВНОГО ПОРЯДКА В ЭТНОМЕТОДОЛОГИИ

В статье рассматривается этнометодологическая концепция конститутивного социального порядка, изложенная в работах основателя этнометодологии Гарольда Гарфинкеля. Будучи первоначально ответом на вопрос об условиях стабильности социального порядка, сформулированный Талкотом Парсонсом, эта концепция была в дальнейшем радикализована и использована в качестве обоснования программы эмпирических этнометодологических исследований. Выделяются два этапа в формулировании этнометодологической концепции конститутивного порядка: на первом этапе ключевым понятием является «воспринимаемая нормальность» социальных действий, на втором — понятие «порядок с астериском» (порядок). В статье показывается, что конститутивный порядок понимается в этнометодологии как порядок методический, наблюдаемый, ситуативный, практико-специфичный и популяционно-производительный.*

Ключевые слова: этнометодология, социальный порядок, социальное действие, повседневность, Гарольд Гарфинкель.

Введение

Проблема социального порядка относится к определяющим проблемам социологии. Различные ее решения образуют один из стержней развития социологии как дисциплины. По словам Перси Коэна, «социологическая теория центрируется вокруг проблемы социального порядка» (Cohen 1968: 18). Каждая социологическая традиция предлагает свой вариант ответа на вопрос о природе социального порядка и реализует в своем методологическом аппарате определенное видение этого порядка. Этнометодология, исходные принципы которой были сформулированы в работах Гарольда Гарфинкеля и круга его единомышленников в 1950–1960-е гг. в США, предложила свою концепцию социального порядка, которую можно назвать «конститутивной»*. Эта концепция

Корбут Андрей Михайлович — научный сотрудник Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аспирант кафедры анализа социальных институтов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (korbut.andrei@gmail.com).

* Самое понятие «конститутивный порядок» было введено Г. Гарфинкелем в работе «Концепция и экспериментальные исследования “доверия, как условия стабильных согласованных действий» (Гарфинкель 2009) для указания на

составляла альтернативу тем представлениям о социальном порядке, которые доминировали в социологии того времени (и доминируют до сих пор). Этнометодология акцентировала контингентный, ситуативный характер социального действия. Тем не менее, этнометодологическая концепция социального порядка не была воспринята как полноценная альтернатива, поэтому даже сегодня предоставляемые ею возможности для социологического теоретизирования и практики все еще требуют экспликации.

Предложенная Гарфинкелем концепция конститутивного порядка сразу стала предметом критики со стороны социологов, однако в большинстве случаев эта критика была основана на непонимании основных принципов, заложенных в данную концепцию. Одной из наиболее распространенных стала трактовка этнометодологической концепции как субъективистской. Например, Эрнст Геллнер, обсуждая книгу Гарфинкеля «Исследования по этнометодологии» (Garfinkel 1967), говорит о том, что «в фокусе ее внимания находятся внутренние смыслы, которые авторы придают своим действиям» и что этнометодология «вводит исследование этих внутренних смыслов в социологическую традицию, продолжателем которой она себя считает» (Gellner 1975: 432). Оба этих наблюдения не схватывают специфику этнометодологической концепции социального порядка, в которой речь не идет о субъективных значениях действий, эксплицируемых в дополнение к их «объективным» свойствам. Скорее предметом этнометодологического описания выступает практическая упорядоченность самих действий, которую невозможно свести ни к одному из существующих социологических объяснительных принципов.

Указанная субъективистская трактовка этнометодологической концепции социального порядка, получившая большое распространение в социологии (см., напр.: Gouldner 1970; Alexander 1987; Ritzer 2007), не позволяет эксплицировать специфику этой концепции, однако и предпринимаемые внутри самой этнометодологии попытки концептуализировать разделяемое среди этнометодологов представление о социальном порядке следует признать неудовлетворительными. Представленная в работах Ричарда Гилберта (Hilbert 1992) и Пирса Флинна (Flynn 1991) концептуализация этнометодологического понимания социального порядка как «реализации членства» (Flynn 1991: 29) ведет к тому, что идея конститутивного порядка связывается с идеей типизации социальных

определенные аспекты социального взаимодействия. В дальнейшем в работах Энн Ролз (Rawls 2009; 2010) этот термин стал применяться для обозначения всей этнометодологической концепции социального порядка. В данной статье я буду следовать расширенной трактовке, предложенной Ролз.

ситуаций и их восприятия в качестве элементов социальной структуры, рассмотренных «изнутри», «глазами участников». Однако при этом упускается из виду практичность самого социального действия, его ситуационная упорядоченность, имеющая своим источником не типизации происходящего акторами, а разворачивающуюся последовательность действий.

Более продуктивными в плане экспликации этнометодологической концепции социального порядка являются работы Энн Ролз (Rawls 2009; 2010), в которых делается попытка выделить и связать два типа концепции социального порядка: *агрегированный* и *конститутивный*, к последнему из которых относится и этнометодологическая концепция. Недостаточность такого разделения для понимания идеи конститутивного порядка заключается в том, что оно не позволяет указать, в чем состоит собственно «конститутивность», поскольку конститутивность всякий раз концептуализируется как то, что противоположно «агрегированному» или «институциональному» действию, в то время как в понимании Гарфинкеля конститутивность изначально является свойством *любого* действия.

Все указанные попытки концептуализировать идею конститутивного порядка обладают одним общим изъяном: они эксплицируют лишь *теоретизации* порядка в этнометодологии, оставляя без внимания то, каким образом социальный порядок конституируется в качестве предмета этнометодологических *исследований*. Если мы рассматриваем этнометодологию как радикально эмпирическую традицию, то такое упущение непростительно, поскольку ведет к непониманию принципиального вклада этнометодологии в социологическую теорию и практику. В дальнейшем я постараюсь показать, что та концепция социального порядка, которую предлагает этнометодология, не предполагает построения *теории* социального порядка, а является *инструктивной* по своей сути, т. е. ориентирует исследователя в отношении изучаемых феноменов порядка, которые могут описываться только *эмпирически*.

Конечно, представления о социальном порядке в этнометодологии не оставались неизменными на всем протяжении ее развития. Хотя в основе этих представлений лежала и продолжает лежать основополагающая интуиция порядка, определенные элементы концепции менялись. В целом можно выделить два основных этапа в формулировании этой концепции в этнометодологии: этап, в ходе которого была очерчена проблема воспринимаемой нормальности как основания порядка, и этап, в ходе которого социальный порядок стал изучаться в его локальных формах. Различие между этими этапами, несмотря на его условность, хронологически совпадает с некоторыми изменениями, которые происходили в этнометодологии. Во-первых, оно совпадает с измене-

нием статуса этнометодологии: трансформацией ее из интеллектуального движения в исследовательскую традицию, во-вторых, с эмпирической радикализацией этнометодологии: формулированием основных принципов этнометодологической исследовательской политики и, в-третьих, с появлением целой серии эмпирических исследований, выполненных учениками Гарфинкеля. В настоящей статье я не буду рассматривать все эти важные параллели. Предметом моего внимания будет способ *концептуализации* социального порядка в этнометодологии. Я покажу, каким образом возникла идея конститутивного порядка на первом этапе развития этнометодологии и какие ее элементы остались неизменными и были преобразованы на втором этапе. При этом я буду опираться прежде всего на работы Гарольда Гарфинкеля как наиболее последовательную попытку концептуализации социального порядка в этнометодологии*.

Воспринимаемая нормальность как конститутивное свойство порядка

Идея конститутивного порядка первоначально складывалась под влиянием двух социологических традиций: системной теории Талкота Парсонса и феноменологической теории Альфреда Шюца. Будучи прямым учеником Парсонса, Гарфинкель унаследовал от него интерес к определяющим свойствам стабильного социального порядка. В то же время, находясь под сильным влиянием Шюца, с которым он состоял в переписке и неоднократно встречался, Гарфинкель пытался использовать феноменологический интерес к обыденным свойствам социальных действий в качестве отправной точки для развития концепции Парсонса. Это «развитие», впрочем, породило на свет концепцию, которая в своих основных чертах была противоположна парсоновской. Ниже я покажу, что именно Гарфинкель позаимствовал у двух указанных теоретиков и почему оба подхода были впоследствии отброшены.

В ранних работах Гарфинкеля** (Garfinkel 1952; Гарфинкель 2009) предметом его внимания были конститутивные свойства социальных действий или, как говорит сам Гарфинкель, «конститутивный порядок событий» (Гарфинкель 2009). Интерес к этой проблеме был связан, прежде всего, с влиянием, которое на Гарфинкеля оказала феноменологическая традиция в философии и социологии. В этой связи, помимо Альфреда Шюца, важна еще одна фигура — феноменолог Арон Гурвич, работы которого имели принципиальное значение для развития понятия конститутивного порядка. Гурвич — близкий друг Шюца еще

* Кроме того, на первом этапе проблема конститутивного порядка формулировалась *исключительно* Гарфинкелем.

** Майкл Линч называет их «протоэтнометодологическими» (Lynch 1993).

со времен Германии, — оставаясь в рамках философии, разрабатывал в своих работах то, что он называл «конститутивной феноменологией» (Gurwitsch 2009a; 2010). Основным предметом анализа конститутивной феноменологии являются механизмы конституирования мира, в котором живет человек, поэтому принципиальное значение для нее имеют взаимоотношения между познающим субъектом и объектами его познания. Основная идея конститутивной феноменологии заключается в следующем: «Объект раскрывает и обнаруживает себя таким, какой он есть, в актах сознания сознающего его субъекта. Эти акты сознания, посредством которых объект наделяется сущностью, структурой и бытийственным смыслом, выполняют в отношении него конститутивную функцию. Следовательно, мы можем рассматривать объект в качестве *коррелята* группы соответствующих ему актов либо, с противоположной стороны, мы можем рассматривать эту группу актов в качестве *сознательного эквивалента* объекта» (Gurwitsch 2009b: 309–310).

Гарфинкель заимствует у Гурвича принцип эквивалентности объекта и направленных на него актов сознания, перенося этот принцип в социологию, где место «объекта» занимает «социальный порядок», а место «актов сознания» — «обыденные социальные действия». Так появляется первый и основополагающий тезис этнометодологической концепции конститутивного порядка:

1) *Социальный порядок заключается в методах его производства.*

Собственно термин «этнометодология» возник, по признанию Гарфинкеля (Proceedings... 1968: 5–11), в силу необходимости каким-то образом обозначить способ изучения тех «методологий»*, которые применяют присяжные заседатели. Будучи участником проекта по исследованию решений присяжных в городе Уичита (штат Канзас) в 1953–1954 гг., Гарфинкель обнаружил, что они используют и требуют друг от друга применения специфических способов оценки и описания правильности, адекватности, беспристрастности, последовательности, обоснованности и т. д. действий, предпринимаемых в комнате для совещаний. Следовательно, возникающий порядок не является простым результатом совершаемых участниками действий, а заключается в демонстрации и анализе специфически упорядоченных свойств своего и чужого поведения. Эти свойства отличаются двумя характеристиками: во-первых, они повседневны, обыденны, само собой разумеются и,

* Использование термина «методология» тоже отчасти связано с феноменологической традицией: одной из работ, к которой часто обращался Гарфинкель на первом этапе формулирования концепции социального порядка, была книга феноменолога Феликса Кауфмана «Методология социальных наук», где «методы» понимаются как «привычки мышления» (Kaufmann 1958: 43).

во-вторых, они стабильны, повторяемы, воспроизводимы. Формулирование этих характеристик и первичную попытку их описания и объяснения Гарфинкель находит в работах Шюца и Парсонса, теоретические решения которых фокусируются, соответственно, на проблеме повседневности и проблеме стабильности. Рассмотрим, как они формулируют эти проблемы и почему это важно для концепции конститутивного порядка в этнометодологии.

Шюц исходит из того, что, в отличие от физического мира, социальный мир «имеет собственное значение и структуру релевантности для человеческих существ, в нем живущих, думающих и действующих. Они уже осуществили выборку и проинтерпретировали этот мир в конструктах обыденного мышления повседневной жизни, и именно эти объекты мышления воздействуют на их поведение, определяют цели их действий и доступные средства их достижения...» (Шюц 2004а: 9). Социальный ученый имеет дело с уже обыденно освоенным и понятым миром, и поэтому его конструкты — это «конструкты второго порядка», основанные на повседневных способах понимания и действия. Эти конструкты второго порядка создаются в соответствии с правилами научной процедуры, однако в их основе лежит рутинизированный мир, принимаемый на веру его участниками. В своих работах Шюц описывает различные аспекты этого мира, которые, однако, в той или иной мере касаются определяющей проблемы: конституирования общего, всеми разделяемого мира, невзирая на уникальный опыт и биографическую ситуацию каждого отдельного индивида. Шюц решает эту проблему с помощью того, что он называет «всеобщим тезисом взаимности перспектив» (Шюц 2004а: 15). Этот тезис включает две составляющие: идеализацию взаимозаменяемости точек зрения («...я считаю само собой разумеющимся — и полагаю, что другой делает то же самое, — что если нас поменять местами, так, чтобы его “здесь,, стало моим, я буду на том же расстоянии от предметов и увижу их в той же системе типизаций, что и он; более того, в моей досягаемости будут те же предметы, что и в его (обратное также верно)» [Шюц 2004а: 15]) и идеализацию соответствия систем релевантностей («...пока нет свидетельств обратному, я считаю само собой разумеющимся — и полагаю, что и другой тоже, — что различия перспектив, проистекающие из уникальности наших биографических ситуаций, нерелевантны наличным целям каждого из нас и что “мы,, предполагаем, что каждый из нас отбирает и интерпретирует реально или потенциально общие нам объекты и их свойства одинаковым образом или, по меньшей мере, в “эмпирически идентичной,, манере, достаточной для всех практических целей»* [Шюц 2004а: 15]). Гарфин-

* Перевод изменен в соответствии с оригиналом.

кель воспринял тезис взаимности перспектив в качестве ключа к пониманию конститутивных свойств социального порядка, поскольку этот тезис указывает на *условия* социального порядка, не зависящие от его «содержания»: взаимность перспектив соблюдается в *любой* практике. Кроме того, этот тезис позволял объяснить стабильность социального порядка, которая, хотя она была сформулирована как проблема Парсонсом, не получила у последнего удовлетворительного решения (точнее была решена лишь частично). В связи с этим необходимо рассмотреть, как формулирует проблему порядка Парсонс.

Представления Парсонса о порядке, несмотря на глубокие изменения в его теоретической схеме, оставались относительно стабильными на протяжении его карьеры. Начиная со «Структуры социального действия» и заканчивая поздними метатеоретическими работами Парсонс опирался в своем понимании порядка на идею «нормативной ориентации». Описанные в «Структуре социального действия» единицы систем действия включали актора, цель, ситуацию и «нормативную ориентацию» (Parsons 1949: 44), которая понималась как предоставляемое культурой основание для выбора одного из альтернативных средств достижения цели. В связи с этим Парсонс говорит о том, что стабильный социальный порядок возможен лишь там, где помимо фактического порядка человеческих действий присутствует также нормативный порядок (Ibid: 91–92). Позднее, в «Социальной системе», Парсонс уточняет, что он понимает под «нормативной ориентацией»:

Системе действия присуще то, что можно выразить в краткой формуле: она *нормативно ориентирована*. Это следует, как мы видели, из понятия ожиданий и их значения в теории действия, особенно в его активной фазе, в которой актер добивается осуществления целей. Ожидания вместе с *двойной случайностью* процесса взаимодействия, если можно употребить здесь такое выражение, порождают чрезвычайно насущную проблему порядка. В свою очередь, можно выделить два аспекта проблемы порядка: порядок в символических системах, которые делают возможной коммуникацию, и порядок во взаимной мотивационной ориентации на нормативный аспект ожиданий — *гоббсовская* проблема порядка.

Эта проблема порядка, а следовательно, характер интеграции стабильной системы социального взаимодействия, т. е. социальной структуры, таким образом, концентрируется вокруг мотивации акторов нормативными культурными стандартами, которые интегрируют систему действия... (Парсонс 2002: 109)

Из этой цитаты следует, что стабильные черты действий обусловлены мотивационной ориентацией на стандарты того или иного общества.

Социальная структура как стабильная система социальных взаимодействий предполагает согласие людей с этими стандартами и использование их в качестве условий воспроизводства систем деятельности. Гарфинкель заимствует у Парсонса общую рамку проблемы социального порядка, которая связана с вопросом о стабильности социальных действий, однако указывает на то, что предложенного Парсонсом решения недостаточно, поскольку непонятно, каковы условия «мотивации акторов нормативными культурными стандартами», т. е. неясно, что делает нормы нормами. По мнению Гарфинкеля, шюцевский тезис взаимности перспектив представляет собой наиболее подходящую кандидатуру на объяснение условий воспроизводимости социального действия. В наиболее полном виде эти условия анализируются Гарфинкелем в знаменитой статье о доверии (Гарфинкель 2009), которая содержит основные принципы концепции конститутивного порядка как она формулируется на первом этапе развития этнометодологии.

В этой статье Гарфинкель делает сначала предметом анализа «игры по правилам» (games), например, шахматы. Анализируя игры, Гарфинкель выделяет, наравне с базовыми правилами*, которые можно найти, например, в учебниках и которые по сути определяют любую данную игру как она есть, еще и ряд «конститутивных ожиданий» (Гарфинкель 2009: 13). Эти конститутивные ожидания таковы: «1) С точки зрения игрока, они очерчивают набор альтернативных площадок игры, числа игроков, последовательностей ходов и т. п., выбор которого игрок ожидает независимо от своих желаний, обстоятельств, планов, интересов или последствий выбора для него самого или для других. 2) Игрок ожидает, что тот же самый набор требуемых альтернатив обязателен для другого игрока так же, как он обязателен для него. 3) Игрок ожидает, что как он ожидает вышеуказанное от другого человека, так и другой человек ожидает это от него» (Там же: 13). Как мы видим, эти конститутивные ожидания во многом являются переформулировками шюцевского тезиса взаимности перспектив, однако, в отличие от Шюца, Гарфинкель говорит о том, что они соотносятся с рядом взаимосвязанных событий, который он называет «конститутивным порядком событий игры» (Там же). Именно конститутивные ожидания обеспечивают стабильность порядка и мотивированное согласие с ним. Тем самым Гарфинкель находит, с помощью Шюца, решение парсонсовской проблемы социального порядка. Однако когда он переносит это решение из сферы игр в сферу повседневной жизни, это влечет за собой переопределение

* Хотя в самой статье Гарфинкеля соответствующая ссылка отсутствует, используемое в ней различие «базовых» правил и «правил предпочтения» было впервые предложено Феликсом Кауфманом (Kaufmann 1958: 44).

самой идеи порядка. Если для Парсонса стабильный социальный порядок носил нормативный характер, то для Гарфинкеля нормативная ориентация становится невозможной. Она невозможна по двум причинам. Первая состоит в том, что нормы сами требуют объяснения. Вторую Гарфинкель формулирует следующим образом: «...все современные концепции условий социального порядка делают акцент на степени сакрального отношения к правилам как решающем условии стабильного социального порядка» (Там же: 18). «Все современные концепции» — это в первую и важнейшую очередь концепция Парсонса*, но не концепция Шюца, который как раз указывает выход из тупика сакрализации, и этот выход связан с тем, что конститутивные ожидания как основание социального порядка позволяют рассматривать этот порядок с точки зрения его само собой разумеющегося характера, т. е. «воспринимаемой нормальности» (Там же: 11): социальный порядок существует не потому, что члены общества сакрализуют нормы, а потому, что совершаемые ими действия воспринимаются в качестве нормальных. Эта «нормальность», в свою очередь, предполагает методологическую доступность действий, возможность их анализа другими членами общества как действий последовательных, адекватных, обоснованных, логичных и т. д.

Конститутивная концепция порядка иллюстрируется в статье о доверии рядом «экспериментов», которые прославили Гарфинкеля, но в то же время существенно затруднили правильное понимание этой концепции. Гарфинкель сам или с помощью студентов предпринял ряд «интервенций» в повседневные ситуации, которые были призваны

* Здесь необходимо уточнить, что Гарфинкель, возможно, не согласился бы с отнесением концепции Парсонса к концепциям, предполагающим сакральность социальных правил, поскольку в статье о доверии не проводится четкой границы между «нормативностью» и «нормальностью». Однако, на мой взгляд, это различие присутствует и оно настолько принципиально, что не позволяет «примирить» концепцию Парсонса и концепцию Гарфинкеля. Кроме того, необходимо отметить, что нормативную трактовку социального порядка развивал не только Парсонс. Подход Парсонса является в какой-то мере квинтэссенцией широко распространенного представления о нормативной опосредованности стабильных социальных действий. Например, такой совершенно не похожий на Парсонса теоретик, как Ирвинг Гофман, говорит: «Если коротко, то социальный порядок можно определить как следствие любого множества моральных норм, которые регулируют способ достижения людьми целей» (Goffman 1963: 8). То есть Гофман не только поддерживает Парсонса в нормативистской трактовке социального порядка, но и рассматривает нормы в парсонсовском духе: как культурно заданный выбор среди альтернативных средств достижения целей.

нарушить конститутивные ожидания. Например, он просил своих студентов вступать в разговор со знакомыми или друзьями, при этом заставляя собеседника прояснять самые тривиальные реплики, вроде «Как дела?» («Что значит “Как дела?»,»), или подходить в магазине к рядовым покупателям и вести себя с ними так, как если бы они были продавцами. Все эти эксперименты были восприняты как демонстрации того, что в социальных взаимодействиях действуют некие неписанные правила или нормы, нарушение которых вызывает замешательство, недоумение, раздражение и т. п., т. е. были проинтерпретированы как подтверждение нормативной концепции порядка, в то время как сам Гарфинкель рассматривал их как свидетельство важности конститутивных ожиданий для воспроизводства стабильного социального порядка, предполагающего воспроизводство воспринимаемой нормальности наблюдаемых действий.

Акцент на воспринимаемой нормальности позволяет сформулировать второй основной принцип этнометодологической концепции конститутивного порядка:

2) Социальный порядок наблюдаем.

Люди воспринимают свое и чужое поведение не при помощи норм, под которые подводятся и с которыми сопоставляются действия, а изнутри самих этих действий. Возникающий социальный порядок в таком случае доступен его участникам в деталях тех действий, которые они осуществляют. Люди ориентируются не на нормы, а на наблюдаемые особенности поведения. В отличие от Гурвича, который предполагал, что объект и направленные на него акты сознания нельзя идентифицировать, поскольку, во-первых, в каждом из этих актов объект предстает перед нами в определенном отношении, но мы при этом воспринимаем его в его тотальности, во-вторых, этих актов может быть много, а конституируемый ими объект один и самотождественен, и, в-третьих, физическая темпоральность объекта не соответствует феноменальной темпоральности его переживания, Гарфинкель утверждает тождество между социальным порядком и действиями его производства. Позже Гарфинкель с соавторами формулирует идею тождества объекта и направленных на него практик следующим образом: культурный (т. е. социальный) объект «достигается *в*, состоит *в* и извлекается *из* совершаемой работы» (Garfinkel, Lynch, Livingston 1981: 141). Социальный порядок не скрывается *за* действиями, как мы должны были бы допустить, если бы понимали его как преимущественно нормативный порядок. Социальный порядок существует *в* самих действиях.

Таким образом, первые два основополагающих принципа концепции конститутивного порядка в этнометодологии были сформулиро-

ваны вследствие попытки решить проблему стабильности социального порядка путем выявления механизмов повседневного социального действия. При этом Гарфинкель был вынужден пойти не только дальше Парсонса и Гурвича, но и дальше Шюца, хотя «преодоление» Шюца произошло позже. Если отказ от идеи нормативности и от идеи разделения объекта и направленных на него действий может быть найден уже в статье о доверии, то отказ от тезиса взаимности перспектив был связан с рядом более сложных обстоятельств. Эти обстоятельства можно резюмировать следующим образом. Во-первых, Шюц предполагал, что мир повседневной жизни — один из множества миров, которые хотя и представляют собой модификации свойственной повседневности «естественной установки», отличаются от нее настолько, что составляют отдельные «конечные области смысла» (Шюц 2004б). Однако Гарфинкель, полагавший, что «конститутивные свойства распространяются на повседневные события» (Гарфинкель 2009: 19), приходит к необходимости изучать конститутивный порядок *любой* деятельности, включая ту, которую Шюц считал неповседневной (например, научную деятельность). Во-вторых, на этом первом этапе Гарфинкель пытается решать проблему порядка прежде всего как теоретическую проблему. В этом он следует за Парсонсом, который называет вопрос «Как возможно общество?» Гоббсовой проблемой. Теоретический статус данной проблемы означает, что она предполагает *универсальный* ответ, т. е. такую концепцию социального порядка, которая касается *любого* социального действия и актора. Шюц тоже предлагает концептуальные инструменты для понимания того, как возможен повседневный intersубъективный мир. Как я покажу ниже, на следующем этапе Гарфинкель отказывается от этой универсализирующей установки, тем самым отрицая возможность чисто теоретического анализа социального порядка. Наконец, в-третьих, подход Шюца сталкивается с проблемами субъективизма и индивидуализма. Гарфинкель, который пытается следовать в русле теоретических разработок Шюца, вынужден обратиться к тому, как акторы реагируют друг на друга в конкретных ситуациях деятельности и какие ожидания в отношении друг друга они привносят в эти ситуации. В результате создается впечатление, что он, как и Шюц, анализирует «мир, увиденный с точки зрения актора». Но если в отношении Шюца это впечатление может быть признано более или менее соответствующим действительности*, то в отношении Гарфинкеля оно совершенно неверно.

* По крайней мере, высказывания вроде: «Социальные науки должны изучать человеческое поведение и его повседневные интерпретации социальной реальности... Такой анализ с необходимостью апеллирует к субъективной точке зрения, а именно, к интерпретации действия и его рамок в терминах самого

Гарфинкель концентрируется на *деталях* конкретных действий, а не на отдельных акторах. И хотя на первом этапе формулирования концепции конститутивного порядка это проявляется в меньшей степени, позже это станет одним из главных исследовательских принципов этнометодологии.

Указанные три обстоятельства создают серьезные концептуальные сложности для Гарфинкеля как исследователя социального порядка, поскольку они позволяют трактовать его концепцию как ограниченную (узким сегментом межличностных социальных взаимодействий), теоретическую (предлагающую систему абстрактных понятий для описания реальных социальных структур) и субъективистскую (реконструирующую интерпретативную активность актора). Все три трактовки упускают ту первоначальную интуицию, которая лежит в основе концепции конститутивного порядка, поэтому на следующем этапе своего интеллектуального движения Гарфинкель решает все три указанные сложности, вводя в этнометодологическую концепцию конститутивного порядка три дополнительных принципа, которые можно объединить под рубрикой «порядок с астериском».

Порядок с астериском

Понятие «порядок с астериском» или «порядок*» появляется в поздних работах* Гарфинкеля (Garfinkel 1988; 2002) как пример того, что Гарфинкель называет «тенденциозным» употреблением (Garfinkel 2002: 99). Гарфинкель добавляет астериск к тем словам, которые, на его взгляд, должны «корректировать» понимание читателя, т. е. говорить ему не то, что он ожидает услышать. Это могут быть знакомые слова обыденного языка или специальные термины, однако в любом случае для их понимания необходимо обращение к тому исследованию или исследованиям, в рамках которых используется слово с астериском. Иными словами, слово с астериском должно проясняться исходя не из тех значений, которые ему может придавать читатель (даже если этот читатель — другой этнометодолог), а исходя из того исследовательского контекста, частью которого оно является. В этом отношении термин поря-

действующего» (Шюц 2009б: 35) позволяют согласиться с обоснованностью подобной интерпретации.

* Говорить о «поздних» работах Гарфинкеля можно лишь условно, поскольку его вторая книга «Программа этнометодологии: к разработке дюркгеймовского афоризма» (Garfinkel 2002), к которой я буду преимущественно обращаться, вышла в свет лишь относительно недавно, в 2002 г. (спустя 35 лет после публикации первой книги), однако в ней собраны работы разных лет, в основном написанные в 1970–1980 гг.

док* должен читаться как термин, отсылающий, с одной стороны, ко всему корпусу этнометодологических исследований, поскольку все этнометодологические исследования посвящены порядку, а с другой, к конкретным исследованиям, в которых порядок специфицируется как конкретный порядок той или иной практики. По отношению ко всему корпусу этнометодологических исследований порядок* понимается как «термин, вмещающий и заменяющий... любую тему мышления, логики, значения, доказательства, единообразия, обобщения, универсальности, сопоставимости, ясности, последовательности, связности, объективности, объективного знания, наблюдения, деталей, структуры и пр.» (Ibid: 118). Все эти «прояснения» указывают на те проблемы, которые могут быть предметом внимания исследователей, изучающих порядок*. Однако в том, что касается конкретных этнометодологических исследований, «порядок*» указывает на данные проблемы не как на темы для анализа, а как на наблюдаемые феномены, которые должны быть описаны. «Любая тема порядка* предлагает себя для этнометодологического исследования в качестве кандидатуры на обнаружение феномена порядка* как достижения в рамках и в качестве практического действия» (Ibid: 170). Это высказывание Гарфинкеля, как и многие другие места в его поздних работах, требует расшифровки. В нем говорится, что каждую тему, которую мы можем сформулировать как тему порядка или которая уже формулировалась таким образом до нас, можно рассмотреть этнометодологически как тему, указывающую на определенную область поисков, и предметом этих поисков должны быть не иллюстрации данной темы, а феномены порядка, производимые в практике. Например, если мы берем тему «логики», то в рамках этнометодологического исследования ставится вопрос о том, что значит логика как практическое достижение тех или иных «членов общества». Каким образом люди оценивают логичность или нелогичность определенных действий? Кем могут быть эти люди? Какими методами они пользуются для оценки и описания действий как логичных или нелогичных? «Логика» здесь становится не общим свойством любых действий, а наблюдаемым феноменом. Таким же образом можно поступить с любой темой порядка*.

Эта феноменальная ориентация еще раз подтверждает близость этнометодологии и феноменологической традиции (в первую очередь — в той ее форме, которую представляли Арон Гурвич и Морис Мерло-Понти), однако при этом происходит определенная трансформация представлений о феноменальности. Как уже отмечалось выше, для Гар-

* О том, какой смысл может вкладываться в понятие «порядок» в социальной теории, см.: (Cohen 1968: 18—19; Wrong 1994: 37; Alexander 1982: 90—94).

финкеля проблема социального порядка не может быть связана с проблемой конституирования объектов в актах сознания субъектов, которые коммуницируют между собой исходя из неявных допущений и типизаций. Феномены порядка производятся *совместно*, однако — и в этом заключается принципиальный разрыв с социально-феноменологической традицией Шюца, которой придерживался Гарфинкель на первом этапе, — свойство «совместности» не является конститутивным. Если Шюц постулировал тезис взаимности перспектив как указание на так понятую совместность (в основе которой лежат идеализации взаимозаменяемости точек зрения и соответствия систем релевантностей) как определяющую черту социального мира, то Гарфинкель теперь рассматривает вопрос совместности как практический вопрос согласования действий тех, кто производит феномены социального порядка. Здесь возникает вопрос: если это согласование не опирается ни на конститутивные ожидания (как у Шюца), ни на нормативные ориентации (как у Парсонса), как оно возможно? Иными словами, каковы основания «общности»? Понятие «порядка*» предполагает, что такие основания могут быть только ситуационными, т. е. порядок приобретает свойство стабильности и воспроизводимости лишь в той мере, в какой производятся и воспроизводятся конкретные ситуации деятельности (а не типизации или системы деятельности). Поэтому следующий принцип этнометодологической концепции конститутивного порядка таков:

3) *Социальный порядок — это ситуативный порядок.*

Его ситуативность означает, что каждое отдельное действие в рамках этого порядка связано с другими действиями в текущей ситуации, а не с надситуативными «нормами», «правилами», «символами», «типизациями», «интерпретациями», «кодами» и пр. Порядок возникает как феномен последовательности действий. Если вспомнить о том, что эти действия рассматриваются как осуществления определенных методов и обладают наблюдаемыми чертами, позволяющими их таким образом рассматривать, то отсюда становится понятно то требование максимально детального анализа, которое выдвигается в этнометодологических исследованиях. Детали становятся конститутивными чертами ситуации, на которые ориентируются ее участники. Любая ситуация приобретает свойства порядка в деталях ее осуществления. Эта ситуация, однако, не должна пониматься как «объективная среда» социального действия. Скорее ее можно назвать «рабочим местом» действия, поскольку действие разворачивается в ситуации, *посредством* ситуации и *в качестве* ситуации.

Ситуативность социального порядка также означает, что мы можем описывать феномены порядка только там и тогда, где и когда они произ-

водятся, т. е. они специфичны для той или иной практики, что можно выразить в следующем принципе:

4) *Социальный порядок практико-специфичен.*

С одной стороны, он неотделим от той практики, в которой производится. Если вспомнить пример с шахматами, который рассматривал Гарфинкель в статье о доверии, то можно сказать, что при игре в шахматы создается не порядок *вообще*, а порядок, специфический для шахмат. Этот порядок конституирует игру в шахматы как игру в шахматы, а не как пример или элемент социального порядка, связанного, например, с определенным типом культурных символов. С другой стороны, эти практико-специфические феномены порядка можно обнаружить *везде*: «...любые вообразимые типы исследования, начиная с гадания и заканчивая теоретической физикой, привлекают наш интерес в качестве социально организованных искусных практик» (Гарфинкель 2003: 23). В отличие от Шюца, для которого разница между гаданием и теоретической физикой была столь принципиальна, что он допускал возможность шока при переходе от одной к другой, Гарфинкель утверждает необходимость изучения *любых* без исключения практик как обыденных, само собой разумеющихся, искусных способов производства социального порядка.

В связи с этим возникает вопрос о тех, кто производит ситуативные феномены порядка, т. е. акторах. Большинство (если не все) социологические традиции рассматривают акторов с точки зрения того места, которое они занимают в социальной системе либо в текущей ситуации. При этом каков бы ни был источник идентифицирующих характеристик акторов (мы можем говорить, что актеры лишь следуют социальным правилам, либо мы можем утверждать, что актеры ориентируются на реакции непосредственно присутствующих других людей), феномены порядка рассматриваются как производные от характеристик акторов. Порядок, в этом смысле, реализуется *через* акторов, поскольку он ненаблюдаем. Но даже если традиционные исследователи замечают какие-либо очевидные формы упорядоченности (например, можно фиксировать упорядоченность потока автомобилей на шоссе), для них эти формы всегда требуют дальнейшего социологического объяснения, они не говорят сами за себя. В этнометодологии отношения между акторами и производимыми ими феноменами порядка переворачиваются. По словам Гарфинкеля, «феномен *демонстрирует* свой штат как популяцию» (Garfinkel 2002: 185). Это высказывание можно «перевести» следующим образом:

5) *Социальный порядок специфицирует свой «штат».*

С этнометодологической точки зрения люди, производящие социальный порядок, получают те или иные свойства в зависимости от

своего участия в его производстве. Они не обладают этими свойствами изначально, т. е. нельзя сказать, что, например, водители создают тот или иной порядок. «Водитель» становится «водителем» лишь в той мере, в какой он демонстрирует другим «водителям» свою способность методически производить и оценивать локальные феномены порядка. Осуществление этих феноменов в наблюдаемых действиях позволяет тем или иным людям идентифицировать себя как когорту водителей, но всегда в ситуационном смысле, т. е. как феноменальную популяцию, которая производит наблюдаемый порядок на дороге здесь и сейчас. Иными словами, люди могут быть описаны как «водители», «гадальщицы», «социологи», «теоретические физики» и т. п. лишь по отношению к производимым ими феноменам порядка, а не по отношению к тем нормам и правилам, которым они якобы следуют. Именно феномены порядка обеспечивают стабильные черты социальных действий, т. к. несмотря на смену «штата» того иного феномена он продолжает производиться и демонстрировать свой «штат» в качестве определенного рода популяции. Водители меняются, а поток автомобилей продолжает осуществляться в своей упорядоченности.

Как можно видеть, переход от первой формулировки концепции конститутивного порядка, связанной с противопоставлением «нормативности» и «нормальности», ко второй, «расширенной и дополненной», выраженной в формуле «порядок с астериском», предполагал радикализацию эмпирической направленности этнометодологических исследований. Выделенные выше три дополнительных принципа позволяют говорить об этнометодологической концепции социального порядка не как о *теории*, а как о своеобразной *инструкции*, предлагающей не способ описания социальных действий, а принципы их изучения. Несмотря на это, сама концепция не перестает быть теоретической конструкцией, т. е. может при определенных обстоятельствах использоваться как источник понятий и теоретических вопросов. Однако любая тема, которая может возникнуть в рамках этой концепции, должна быть респецифицирована как наблюдаемый феномен.

Заключение

Выше я рассмотрел основные принципы концепции конститутивного порядка, сформулированной в этнометодологии. Я попытался показать, что, несмотря на эволюцию представлений Гарольда Гарфинкеля как наиболее последовательного теоретика социального порядка в этнометодологии, первоначальная интуиция, составляющая ядро концепции, осталась неизменной. Будучи учеником Парсонса, Гарфинкель унаследовал от него интерес к проблеме стабильности социального порядка, однако был не удовлетворен предложенным Парсонсом реше-

нием — концепцией нормативного порядка. Гарфинкель попытался найти альтернативное решение в теории Альфреда Шюца, что ему отчасти удалось: с помощью Шюца (а также под влиянием некоторых других феноменологов) Гарфинкель сформулировал два первых принципа концепции конститутивного порядка. Вместо тезиса о нормативной ориентации как основе социального порядка он предложил понимать порядок с точки зрения его воспринимаемой нормальности, основанной на повседневных конститутивных ожиданиях. Однако в дальнейшем развитие идеи конститутивного порядка потребовало отказа от идей Шюца, поскольку последний, во-первых, рассматривал повседневность как отдельную смысловую область и, во-вторых, сводил проблему согласования действий к проблеме субъективной интерпретации акторами друг друга. В результате дальнейшей разработки темы порядка Гарфинкель предложил рассматривать порядок как то, что может быть сформулировано одновременно как тема и как феномен для эмпирического изучения. Традиционная социология, по мнению Гарфинкеля, рассматривает социальный порядок как совокупность *тем*, в то время как этнометодология описывает локальные *феномены* порядка. На этом втором этапе Гарфинкель предлагает уже собственно этнометодологическое видение порядка.

Несмотря на то, что я излагал свой аргумент исторически, т. е. рассматривал основные принципы этнометодологической концепции конститутивного порядка как они формулировались в ходе интеллектуальной эволюции Гарфинкеля, выделенные принципы имеют не историческое, а концептуальное значение, и в этом смысле могут быть полезны для социальной теории. Этнометодологическая концепция социального порядка содержит уникальные концептуальные ресурсы, еще мало освоенные современной социологией.

Литература

Гарфинкель Г. Что такое этнометодология? / Пер. с англ. А.М. Корбута // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 4. С. 3–25.

Гарфинкель Г. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий / Пер. с англ. А.М. Корбута // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 1. С. 10–51.

Парсонс Т. Социальная система / Пер. с англ. Г. Беляевой и др. // Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. С. 73–520.

Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / Пер. с англ. Н. М. Смирновой // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004а. С. 7–50.

Шюц А. О множественных реальностях / Пер. с англ. В. Г. Николаева // Шюц А. Избранное: Мир светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004б. С. 401–455.

Социальная теория

- Alexander J. C.* Theoretical logic in sociology. Vol. I: Positivism, presuppositions, and current controversies. Berkeley: University of California Press, 1982.
- Alexander J. C.* Twenty lectures: sociological theory since World War II. N.Y.: Columbia University Press, 1987.
- Cohen P.S.* Modern social theory. L.: Heinemann, 1968.
- Flynn P.J.* The ethnomethodological movement: sociosemiotic interpretations. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.
- Garfinkel H.* The perception of the other: a study in social order. Unpublished PhD dissertation. Harvard University, 1952.
- Garfinkel H.* Parsons' primer: "ac hoc uses". Unpublished manuscript. 1962.
- Garfinkel H.* Studies in ethnomethodology. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967.
- Garfinkel H.* Evidence for locally produced, naturally accountable phenomena of order*, logic, reason, meaning, method, etc. in and as of the essential quiddity of immortal ordinary society (I of IV): an announcement of studies // Sociological Theory. 1988. Vol. 6. No 1. Pp. 103–109.
- Garfinkel H.* Ethnomethodology's program: working out Durkheim's aphorism. Lanham: Rowman & Littlefield, 2002.
- Garfinkel H., Lynch M., Livingston E.* The work of a discovering science construed with materials from the optically discovered pulsar // Philosophy of the Social Sciences. 1981. Vol. 11. No 2. Pp. 131–158.
- Gellner E.* Ethnomethodology: the re-enchantment industry, or The Californian way of subjectivity // Philosophy of the Social Sciences. 1975. Vol. 5. No 4. Pp. 431–450.
- Goffman E.* Behavior in public places: notes on the social organization of gatherings. N.Y.: Free Press, 1963.
- Gouldner A.W.* The coming crisis of Western sociology. N.Y.: Basic Books, 1970.
- Gurwitsch A.* The collected works of Aron Gurwitsch (1901–1973). Vol. I: Constitutive phenomenology in historical perspective. Berlin: Springer, 2009a.
- Gurwitsch A.* Some fundamental principles of constitutive phenomenology // Gurwitsch A. The collected works of Aron Gurwitsch (1901–1973). Vol. I: Constitutive phenomenology in historical perspective. Berlin: Springer, 2009b. Pp. 307–329.
- Gurwitsch A.* The collected works of Aron Gurwitsch (1901–1973). Vol. III: The field of consciousness: phenomenology of theme, thematic field, and marginal consciousness. Berlin: Springer, 2010.
- Hilbert R.A.* The classical roots of ethnomethodology: Durkheim, Weber, and Garfinkel. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1992.
- Kaufmann F.* Methodology of the social sciences. N.Y.: Humanities Press, 1958.
- Lynch M.* Scientific practice and ordinary action: ethnomethodology and social studies of science. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Parsons T.* The structure of social action: a study in social theory with special reference to a group of recent European writers. Glencoe: Free Press, 1949.
- Proceedings of the Purdue Symposium on Ethnomethodology / Ed. R. J. Hill and K. S. Crittenden.* Lafayette: Purdue University, 1968.
- Rawls A.W.* An essay on two conceptions of social order: constitutive orders of action, objects and identities vs aggregated orders of individual action // Journal of Classical Sociology. 2009. Vol. 9. No 4. Pp. 500–520.
- Rawls A.W.* Social order as moral order // Handbook of the sociology of morality / Ed. S. Hitlin, S. Vaisey. N.Y.: Springer, 2010. Pp. 95–121.
- Ritzer G.* Modern sociological theory. 7th ed. N.Y.: McGraw-Hill, 2007.
- Wrong D.H.* The problem of order: what unites and divides society. N.Y.: Free Press, 1994.